

Громогласов И. М. Памяти проф. А. С. Павлова († 16 августа 1898 г.) // Богословский вестник 1898. Т. 3. № 9. С. 331–347 (2-я пагин.).

ПАМЯТИ

заслуженнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета Алексѣя Степановича Павлова († 16 авг. 1898 г.).

Русская наука православнаго церковнаго права, сравнительно такъ недавно запявшая самостоятельное положеніе въ системѣ высшаго богословскаго и юридическаго образованія и такъ еще не богатая учеными дѣятелями, посвятившими ей свои силы, предъ началомъ новаго академическаго года понесла невознаградимую утрату: 16 августа скончался въ Москвѣ, послѣ довольно продолжительной и тяжелой болѣзни, маститый представитель этой науки, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета, почетный членъ Московской Духовной Академіи и многихъ другихъ ученыхъ учреждений и обществъ, тайный совѣтникъ *Алексѣй Степановичъ Павловъ*. Съ его именемъ соединяется такъ много драгоценныхъ заслугъ на пользу отечественной церковно-юридической и исторической науки, что оно, безъ сомнѣнія, навсегда сохранится, какъ одно изъ самыхъ славныхъ, въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія. Навсегда сохранится и духовный образъ почившаго—величавый и прекрасный—въ памяти всѣхъ, лично знавшихъ его, въ особенности въ благодарной памяти тѣхъ, кто имѣлъ случай пользоваться его научнымъ руководствомъ и съ кѣмъ онъ такъ щедро и такъ охотно дѣлился сокровищами своихъ неисчерпаемыхъ знаній и своей благородной души. На этихъ лицахъ прежде всего и лежитъ священная обязанность позаботиться о сохраненіи *для всѣхъ* въ возможной полнотѣ памяти о почившемъ незабвенномъ ученомъ и учителѣ...

Сынъ причетника Томской епархіи, Алексѣй Степановичъ Павловъ родился въ 1832 г. и первоначально обучался въ

мѣстной духовной школѣ, типичной „бурсѣ“ старыхъ временъ. Въ частныхъ бесѣдахъ съ близкими людьми Алексѣй Степановичъ дѣлился иногда воспоминаніями о раннихъ годахъ своей школьной жизни. Въ его интересныхъ разсказахъ съ художественною яркостью обрисовывалась обстановка старинной школы, съ ея добрыми и худыми сторонами, съ могучимъ закаломъ дѣловой выдержки, какую приобрѣтали ея лучшіе питомцы, и съ наивною иногда суровостью ея воспитательныхъ средствъ. Ближайшее знакомство съ лозой въ ряду этихъ средствъ считалось настолько существеннымъ и необходимымъ, что ученику нельзя было миновать его *ни при какихъ* личныхъ качествахъ ума, таланта и благонравія, и если въ продолженіи цѣлаго учебнаго года онъ безукоризненными успѣхами и поведеніемъ успѣвалъ избѣгнуть упомянутаго знакомства, то заботливые о нравственномъ воспитаніи своихъ питомцевъ педагоги спѣшили восполнить этотъ пробѣлъ въ концѣ, чтобы успѣшный и благонравный ученикъ не впалъ въ горделивое превозношеніе своимъ отличіемъ отъ сотоварищей... Лучшее, что вынесъ Ал. Ст. изъ своей первоначальной школы, было довольно порядочное знаніе древнихъ языковъ, хотя и этимъ знаніемъ онъ былъ обязанъ не столько школѣ, сколько личной самодѣятельности, для которой она давала широкій просторъ. Причисленный на первыхъ порахъ къ обитателямъ школьной „Камчаткѣ“ и вмѣстѣ съ ними оставленный внѣ сферы учительскаго вниманія, Ал. Ст. имѣлъ достаточно времени, чтобы, *спустившись для удобства занятій подѣ парту*, учить латинскія и греческія вокабулы. И за то, что по крайней мѣрѣ *не мѣшали* самостоятельно приобрѣтать знанія, добрымъ словомъ вспоминалъ онъ свою старую школу.—Болѣе свѣтлую память оставила въ немъ Тобольская семинарія, куда поступилъ онъ для продолженія образованія (такъ какъ Томская епархія въ то время еще не имѣла своей средней духовной школы). Съ теплымъ чувствомъ признательности разсказывалъ Ал. Ст. о семинарскомъ о. ректорѣ (къ сожалѣнію, не могу теперь припомнить имени этого достойнаго человѣка), ласково встрѣтившемъ и заботливо обогрѣвшемъ въ банѣ полузамерзшихъ мальчугановъ, позднюю осенью съ медленной „оказіей“ прибывшихъ въ Тобольскъ за семинарской наукой. И се-

минарскіе наставники, особенно—старшихъ классовъ, въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ были, повидимому, не похожи на учителей Томской бursы. Изъ нихъ Ал. Ст. съ благодарностію вспоминалъ профессора философіи Шлына, талантливаго и добраго, но несчастнаго человѣка, котораго сгубилъ извѣстный русскій недугъ. Руководительству этого наставника Ал. Ст. считалъ себя много обязаннымъ, хотя за него же и потерпѣлъ на пріемномъ экзаменѣ въ Казанской Академіи отъ профессора философіи Н. П. Соколова, хорошо знавшаго Шлына и не терпѣвшаго его учениковъ, предъ которыми учитель не скрывалъ своего весьма не высокаго мнѣнія объ академическомъ философѣ.—Поступивши въ составъ VII академическаго курса, Ал. Ст. скоро выдвинулся среди товарищей, какъ талантливый и дѣльный студентъ. Годы его академическаго студенчества падаютъ на ректорство архим. Агаѳангела, отличавшагося особымъ расположеніемъ къ наукѣ о расколѣ и требовавшаго такого же вниманія къ ней со стороны лучшихъ студентовъ. Вслѣдствіе этого и Алексѣю Степановичу пришлось взять тему для курсоваго сочиненія изъ той же науки—о происхожденіи, развитіи и значеніи въ нравственной жизни раскольниковъ ученія объ антихристѣ (часть этого сочиненія была потомъ напечатана, въ видѣ двухъ статей, въ „Правосл. Собес.“, подъ заглавіемъ: „Происхожденіе раскольническаго ученія объ антихристѣ“; это—его первый печатный трудъ). Въ занятіяхъ надъ этой темой Ал. Ст. успѣлъ пріобрѣсти настолько солидное знакомство съ старописьменными и старопечатными книгами, а вмѣстѣ—и съ внутреннимъ строемъ жизни въ расколѣ, что одинъ купецъ—раскольникъ, познакомившійся съ нимъ во время поѣздки Ал. Ст. на родину и убѣдившійся въ обширности его познаній по части „древляго благочестія“, серьезно и усердно убѣждалъ его перейти въ расколъ, обѣщая тамъ видное положеніе и всякія земныя блага. Въ 1858 г. Ал. Ст. кончалъ академическій курсъ первымъ магистромъ и съ 19 августа того же года назначенъ былъ въ Казанскую духовную семинарію преподавателемъ общей и русской церковной исторіи, но прослужилъ здѣсь очень не долго. Уже 30 декабря 1858 года онъ былъ избранъ родною Академіей въ бакалавры по кафедрѣ литургіки и капоники, а 10 января (еще ра-

нѣе синодальнаго утвержденія въ этой должности, состоявшагося 11 марта 1859 г.) была прочитана имъ первая академическая лекція по литургикѣ, — и „съ этого времени начались его одушевленные курсы, впервые возбуждившіе въ Академіи живой интересъ къ изученію обѣихъ наукъ, считавшихся прежде одними изъ скучнѣйшихъ въ Академіи“ (проф. П. Знаменскій, *Исторія Каз. Дух. Акад.*, вып. 2, стр. 319. Каз. 1892).

На профессорской кафедрѣ Ал. Ст. съ самаго начала заявилъ себя, какъ серьезный ученый, стоящій на высотѣ науки и старающійся поставить на той же высотѣ своихъ слушателей. По свидѣтельству одного изъ нихъ (названнаго историка Каз. Академіи, принадлежащаго къ числу самыхъ первыхъ академическихъ учениковъ Алексѣя Степановича), уже въ это время въ преподавательскихъ пріемахъ молодого бакалавра опредѣлились тѣ черты, которыя остались характеристическими въ его профессорской и ученой дѣятельности до послѣдняго времени. Онъ неохотно останавливался въ своихъ чтеніяхъ на изложеніи старыхъ свѣдѣній, взятыхъ изъ чужихъ рукъ и нужныхъ только для полноты излагаемаго курса по требованіямъ преподавательской оффиціи. Какъ въ своихъ кабинетныхъ работахъ, такъ и на кафедрѣ онъ предпочиталъ идти менѣе избитымъ путемъ, стараясь въ каждомъ предметѣ отыскать новыя стороны, еще не замѣченныя другими, и поправляя чужія изслѣдованія. „Студенты говорили о немъ, что онъ былъ постоянно заряженъ научными новостями. Эта черта его научнаго характера выражалась даже въ манерѣ его чтенія лекцій, ясной, экспрессивной, придававшей каждой мелочи и подробности какую-то особенную значимость“ (тамъ же, стр. 319). Знакомый съ преподавательскими пріемами Алексѣя Степановича за послѣднее время можетъ присоединить къ этому, что такимъ онъ остался и до конца, только еще въ большей степени, съ расширеніемъ своихъ изслѣдованій, получивши возможность дарить своихъ слушателей „научными новостями“.

Изъ двухъ наукъ, соединенныхъ по старой академической системѣ и порученныхъ его преподаванію, Ал. Ст. съ самаго начала обратилъ преимущественное вниманіе на церковное право, въ области котораго открывался гораздо

болѣе широкой просторъ для самостоятельныхъ научныхъ изысканій. Одно обстоятельство частиѣе опредѣлило направление этихъ изысканій и преобладающій характеръ всей послѣдующей ученой дѣятельности Алексѣя Степановича. Не за долго до его поступленія на службу въ Казанскую Академію, послѣдняя обогатилась обширнымъ собраніемъ славянскихъ рукописей, поступившихъ къ ней изъ бібліотеки Соловецкаго монастыря, и всѣ молодыя ученныя силы Академіи были привлечены къ разработкѣ этихъ сокровищъ нашей церковной древности. Въ ряду этихъ сокровищъ было не малое число древнихъ памятниковъ русскаго церковнаго права, которые естественно привлекли къ себѣ вниманіе молодого академическаго канониста. Разысканія въ этой области дали ему возможность сдѣлать нѣсколько научныхъ открытій, послужившихъ первымъ фундаментомъ научной извѣстности Ал. Ст—ча и составившихъ первое зерно изданнаго имъ впослѣдствіи обширнаго собранія памятниковъ древне-русскаго каноническаго права ¹⁾. Сосредоточивши свое научное вниманіе главнымъ образомъ на изученіи памятниковъ отечественнаго церковнаго права, Ал. Ст. и въ своихъ академическихъ чтеніяхъ отводилъ весьма видное мѣсто ихъ историческому обзору и анализу, съ особенною подробностію останавливаясь на изслѣдованіи древнихъ церковныхъ уставовъ русскихъ князей, на редакціяхъ славянскихъ переводовъ помоканона и на исторіи церковнаго вѣтчннаго права. Вѣроятно, уже въ это время собрана имъ значительнѣйшая часть матеріаловъ, разработанныхъ послѣ въ его замѣчательномъ, хотя и не большомъ по объему изслѣдованіи о первоначальномъ славяно-русскомъ номоканонѣ и въ историческомъ очеркѣ секуляризаціи церковныхъ имуществъ на Руси. Возбужденному, такимъ образомъ, при

¹⁾ Это собраніе, обнимающее собою только памятники XI—XV в., составило объемистый VI томъ „Русской Ист. Б—ки“ (СПБ. 1880). Намъ извѣстно, что покойный Ал. Ст. заготовлялъ и чуть-ли уже не приготовилъ къ печати продолженіе того же собранія—памятники XVI—XVII в. Позволительно надѣяться, что этотъ его трудъ, какъ и многое другое, безъ сомнѣнія, хранящееся въ бумагахъ Ал. Ст—ча, не останется неизвѣстнымъ ученому міру и что найдется лицо, способное и готовое принять на себя разборку и приведеніе въ извѣстность оставшихся матеріаловъ—ради памяти почившаго.

самомъ началѣ его ученой дѣятельности интересу къ изученію памятниковъ русскаго церковнаго права Ал. Ст. остался вѣрнопъ до конца и въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ (въ составъ которыхъ, напр. въ извѣстный мѣ курсъ 189³/₄ года, входило даже чтеніе и подробный историко-юридическій комментарий важнѣйшихъ изъ этихъ памятниковъ), и въ своихъ ученыхъ трудахъ, изъ которыхъ главнѣйшіе (два изданія „Помаканона при Большомъ Требникѣ“, о 50-й главѣ Кормчей и др.) посвящены изданію церковно-юридическихъ памятниковъ и выясненію ихъ историческаго происхожденія и значенія въ качествѣ источниковъ дѣйствующаго права русской Церкви.

Открытіе, по уставу 1863 г., въ университетахъ особыхъ кафедръ церковнаго права (преподаваніе котораго раньше соединялось съ богословіемъ) повлекло за собою перемѣну въ служебномъ положеніи Алексѣя Степановича. Озабоченный присканіемъ достойнаго замѣстителя этой кафедры въ Казанскомъ университетѣ, мѣстный юридическій факультетъ обратилъ вниманіе на ближайшаго академическаго канониста, и въ февралѣ 1864 г. состоялось постановленіе о допущеніи его къ преподаванію названной науки въ университетѣ въ званіи доцента. Первоначально Ал. Ст. предполагалъ совмѣстить свою новую университетскую службу съ академическою, для чего, разумѣется, при единствѣ преподаваемой имъ тамъ и здѣсь науки, не представлялось никакихъ существенныхъ препятствій. Такъ смотрѣлъ на это самъ Ал. Ст., отвѣтившій на обычный въ то время апрѣльскій запросъ академическаго правленія наставникамъ о желаніи продолжать службу въ будущемъ году—рѣшительнымъ заявленіемъ, что продолжать академическую службу „желаетъ со всѣмъ усердіемъ, не смотря на переходъ въ университетъ“. Но академическое правленіе, подъ давленіемъ тогдашняго ректора, архим. Иннокентія, почему-то взглянуло на это дѣло иначе, и по его представленію Ал. Ст. 17 сентября былъ уволенъ отъ духовно-училищной службы (проф. *Знаменскій*, цит. соч., стр. 321—322).

Освободившись, вмѣстѣ съ академической службой, отъ занятій менѣе интересовавшею его литурикой, Ал. Ст. получилъ теперь возможность всецѣло отдаться наукѣ церковнаго права. Расширенію его научныхъ интересовъ и

знаній въ этой области, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовало заграничное путешествіе, въ которое онъ былъ командированъ въ 1865 г. университетомъ на годичный срокъ. Во время этого путешествія Ал. Ст. завязалъ свои первыя знакомства съ европейскими учеными знаменитостями (напр., съ покойнымъ Цахаріэ-фонъ-Лингенталь), впоследствии еще болѣе расширившіяся и сопровождавшіяся нерѣдко взаимнымъ обмѣномъ научныхъ услугъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ путешествія, въ 1867 г., Ал. Ст. получилъ званіе экстра-ординарнаго профессора, а черезъ два года, 9 сент. 1869 г., Новороссійскій университетъ пригласилъ его, въ званіи ординарнаго профессора, на ту же кафедру, и Ал. Ст. переселился въ Одессу.

Пятилѣтнее пребываніе на службѣ въ Новороссійскомъ университетѣ представляетъ время энергичной ученой дѣятельности почившаго. Къ этому именно времени, кромѣ цѣлаго ряда другихъ весьма цѣнныхъ ученыхъ работъ, относится изданіе имъ славянскаго „Номоканона при Большомъ Требникѣ“ съ греческимъ подлинникомъ, открытымъ Алексѣемъ Степановичемъ съ Одессы и до толѣ остававшимся неизвѣстнымъ ученому міру. Это изданіе, впервые пролившее свѣтъ на историческое происхожденіе названнаго памятника, доставило имени А. С. Павлова почетную извѣстность не въ одной только отечественной, но и въ западно-европейской канонической наукѣ, которой не остался неизвѣстнымъ „der von Pawloff herausgegebene Nomokanon“. Оно же доставило Ал. Ст.—чу (въ 1873 г.) и высшую ученую степень доктора правъ.

Въ Новороссійскомъ университетѣ Ал. Ст. прослужилъ до іюня 1875 г., когда послѣдовалъ его переходъ на ту же кафедру церковнаго права въ Московскій университетъ, гдѣ онъ и состоялъ до конца своей жизни, съ 1884 г. въ званіи заслуженнаго профессора. При вступленіи на кафедру Московскаго университета Ал. Ст., какъ видно изъ вышесказаннаго, обладалъ уже прочною и почетною ученою репутациею, возвышенію которой еще болѣе содѣйствовалъ длинный рядъ новыхъ ученыхъ трудовъ, доставившихъ ему имя авторитетнѣйшаго канониста и „одного изъ лучшихъ знатоковъ каноническаго права въ современной Европѣ“ (слова проф. *В. О. Ключевскаго* въ Прибавл.

къ тв. св. оо., ч. 42, стр. 389). Оширная и плодотворная ученая дѣятельность Ап. Ст-ча доставила ему званіе члена—корреспондента Импер. Академіи Наукъ и почетнаго или дѣйствительнаго члена различныхъ ученыхъ обществъ (Московского археологическаго, Юридическаго, Общества любителей россійской словесности при Моск. университетѣ, Общества Исторіи и Древностей россійскихъ, Общества любителей дух. просвѣщенія, Историч. общества Нестора лѣтописца при университетѣ св. Владимира, константинопольскаго — *Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς Σύλλογος* и др.), въ которыхъ онъ отнюдь не былъ лишь номинальнымъ участникомъ. Въ 1891 г. за свои многочисленныя заслуги отечественной церковной наукѣ Ал. Ст. былъ избранъ въ почетные члены Казанской Духовной Академіи, а въ 1893 г. и Московская Духовная Академія приняла его въ число своихъ почетныхъ членовъ.

Къ этимъ послѣднимъ годамъ жизни Алексѣя Степановича и относится мое личное знакомство съ нимъ, давшее мнѣ возможность близко узнать и оцѣнить его высокія душевныя качества. Я былъ на послѣднемъ академическомъ курсѣ и работалъ надъ кандидатскою диссертациею по одному изъ вопросовъ церковнаго брачнаго права, въ нѣкоторыхъ частяхъ близко соприкасавшейся съ извѣстнымъ изслѣдованіемъ Ал. Ст-ча о 50-й главѣ Кормчей. Было уже кое-что сдѣлано для выясненія взятаго вопроса, но оставалось еще не мало и непобѣжденныхъ трудностей, а главное—не хватало увѣренности въ твердости нѣкоторыхъ конечныхъ выводовъ. Мой академическій руководитель, достопочтенный проф. Н. А. Заозерскій, не желая предрѣшать этихъ выводовъ собственнымъ сужденіемъ и вмѣстѣ—чтобы открыть мнѣ возможность воспользоваться всѣмъ относящимся къ дѣлу ученымъ матеріаломъ, направилъ меня къ А. С. Павлову, съ которымъ самъ находился въ давнишнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Не сразу явилась рѣшимость воспользоваться добрымъ совѣтомъ, такъ какъ я уже тогда зналъ, что Ал. Ст-ча *трудно застать не за работой* (послѣ я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться, что это дѣйствительно такъ). Наконецъ, я преодолѣлъ свои колебанія—и отправился къ проф. Павлову.

Никогда не забуду я того впечатлѣнія, какое произвело

на меня — юношу, полного благоговѣйнымъ уваженіемъ къ наукѣ — это первое свиданіе съ однимъ изъ ея славнѣйшихъ представителей. Величавый и благообразный старикъ съ какимъ-то апостольскимъ обликомъ, среди внушительной обстановки заставленного фоліантами ученаго кабинета, гдѣ я засталъ его за неизмѣнной работой, Ал. Ст. предсталъ предо мною, какъ истый жрецъ науки, приносящій себя самого въ жертву на алтарѣ своего божества. Невольное смущеніе закрадывалось въ душу: какъ мелки должны показаться для *него* мои ученическія недоумѣнія! Но нужно же было разяснить цѣль своего прихода, — и по мѣрѣ того, какъ она выяснялась, незамѣтно для меня самого исчезло мое смущеніе. Для него не оставалось мѣста предъ лицомъ великаго учителя, который не хотѣлъ и *не умѣлъ* быть безучастно-равнодушнымъ тамъ, гдѣ дѣло касалось вопросовъ науки. Ал. Ст. воодушевился — и повелъ разговоръ, какъ-будто совсѣмъ забывая, что передъ нимъ ученикъ, а не собратъ по наукѣ. Послѣ трехчасовой бесѣды я уходилъ отъ него съ запасомъ научныхъ пособій и съ драгоценнымъ для меня экземпляромъ его книги о 50-й главѣ Кормчей, напутствуемый благожеланіями и обѣщаніемъ всяческаго содѣйствія въ дальнѣйшемъ ходѣ моей работы.

Съ этого и началось мое знакомство съ Ал. Ст.-чемъ, продолжившееся затѣмъ во время моихъ занятій въ Московскомъ университетѣ по окончаніи академическаго курса. Самая рѣшимость прослушать университетскій курсъ нѣкоторыхъ юридическихъ наукъ, болѣе или менѣе соприкосновенныхъ съ областью церковнаго законовѣдѣнія, сложилась у меня подъ вліяніемъ его внушеній. Питомецъ высшей богословской школы, въ ней начавшій и свою профессорскую дѣятельность, глубокой знатокъ церковной литературы и тонкій богословъ-мыслитель, Ал. Ст. былъ убѣжденнымъ поборникомъ мысли о необходимости для ученаго канониста основательной *двухсторонней* подготовки — богословской и юридической. Ходатайство академическаго Совѣта открыло мнѣ доступъ на лекціи Московскихъ профессоровъ юридическаго факультета и — разумѣется — въ томъ числѣ на лекціи проф. Павлова. Знакомый отчасти и ранѣе съ ихъ содержаніемъ по студенческимъ записямъ, я получилъ теперь возможность по непосредственному впечатлѣнію оцѣнить

профессорскія качества Ал. Ст-ча: поразительную глубину знаний, ясность и стройность научной мысли, строгую точность изложенія при необыкновенной художественной простотѣ — и ту особенную убѣжденность, одушевленность и энергію, которыя способны были подъ часъ довольно сухому церковно-правовому матеріалу сообщать интересъ и занимательность. Безспорно, это былъ одинъ изъ лучшихъ мастеровъ слова, когда-либо говорившихъ съ ученой кафедрой. Правда, его лекціи не принадлежали къ числу наиболѣе посѣщаемыхъ, но это, кажется, общая участь университетскихъ *церковныхъ* наукъ. Не спускался до крайней элементарности, онѣ требуютъ отъ слушателей нѣсколько большей специальной подготовки, чѣмъ та, какую обыкновенно имѣеть прошедшій чрезъ гимназію университетскій студентъ. При отсутствіи же такой подготовки и при нежеланіи самостоятельной работой восполнить ея недочеты многое, имѣющее въ дѣйствительности высокой научный интересъ, совершенно естественно могло представляться сухимъ и малозанимательнымъ.

Работы по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ церковнаго права подъ ближайшимъ руководствомъ Ал. Ст-ча дали мнѣ возможность еще ближе узнать моего незабвеннаго руководителя и окончательно упрочили наши добрыя отношенія, не прекратившіяся и послѣ того, какъ обстоятельства дали нѣсколько иное направленіе моимъ научнымъ интересамъ. Продолжая посѣщать Ал. Ст-ча и пользоваться его драгоценными указаніями, я всею душой полюбилъ этотъ благородный характеръ и научился благоговѣть предъ его безграничною преданностію наукѣ. Я уже упоминалъ, что Ал. Ст-ча трудно было застать не за работой. Какъ сейчасъ помню одно изъ своихъ посѣщеній его — уже въ послѣднюю прошлую зиму. Прихожу, — говорятъ, что Ал. Ст. боленъ весьма серьезно, слегъ и ему запрещено всякое утомленіе; прохожу въ его кабинетъ и вижу его самого не на обычномъ мѣстѣ — за письменнымъ столомъ, а на широкомъ диванѣ, страшно истомленного болѣзнію, еле дышащаго грудью, разбитой мучительнымъ кашлемъ, и — *съ корректурой* въ рукахъ. Это онѣ просматривалъ и исправлялъ послѣдніе листы еканчивавшагося тогда печатаніемъ второго изданія своего „Номоканона“... Даже при такомъ ослабленіи сво-

ихъ тѣлесныхъ силъ онъ остался вѣрнѣе себя и не хотѣлъ прервать занятій. „Дѣло не должно стоять; я радъ, что оно теперь приходитъ къ концу: остался послѣдній листъ приложений и указатели“... И, воодушевляясь, какъ всегда, онъ заговорилъ о своей работѣ, забывая и про свою болѣзнь, и про необходимость спокойствія...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Ал. Ст-ча на пасхѣ нынѣшняго года, предъ его отъѣздомъ въ Петербургъ, куда онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ испытательной коммисіи для производства государственныхъ экзаменовъ на юридическомъ факультетѣ. Возвратился онъ оттуда въ началѣ іюня больной, и на этотъ разъ болѣзнь взяла свое: 16-го августа великаго канониста не стало...

20 августа въ церкви Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая совершена была заупокойная литургія, а затѣмъ отпѣваніе тѣла почившаго профессоромъ богословія въ Моск. Университетѣ, прот. Н. А. Елеонскимъ въ сослуженіи съ проф. богословія въ Моск. Сельскохозяйственномъ Институтѣ, прот. А. В. Мартыновымъ, законоучителемъ Лицея, о. І. П. Соловьевымъ и другими духовными лицами. При гробѣ почившаго собрались—г. попечитель Московскаго учебнаго округа, ректоръ и профессора университета, представители ученыхъ учреждений и обществъ, друзья и почитатели Ал. Ст-ча, пришедшіе отдать послѣднюю дань уваженія и любви его браннымъ останкамъ. На гробъ было возложено нѣсколько вѣнковъ, въ числѣ ихъ одинъ—серебряный—отъ юридическаго факультета, съ надписью: „Славному труженику, знаменитому канонисту“. Изъ храма гробъ былъ вынесенъ на рукахъ сослуживцами почившаго, и печальная процессія направилась къ мѣсту погребенія—на Ваганское кладбище. Здѣсь, предъ раскрытой могилой почившаго, сказано было нѣсколько словъ, посвященныхъ его памяти, проф. П. Т. Тарасовымъ, проф. Юрьевскаго университета (ученикомъ почившаго) М. Г. Красноженомъ, университетскимъ стипендіатомъ г. Липеровскимъ и пишущимъ эти строки.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ смерти Ал. Ст-ча трудно сѣнить вполне значеніе этого печальнаго событія; но нельзя не отмѣтить всю тяжесть великой утраты. Въ лицѣ А. С. Павлова русская наука утратила одного изъ своихъ замѣча-

тельнѣйшихъ представителей, Московскій университетъ — одного изъ славнѣйшихъ своихъ профессоровъ, бывшихъ его честью и украшеніемъ, Московская Духовная Академія — своего достойнѣйшаго почетнаго члена, всегда съ искреннимъ сочувствіемъ и любовью относившагося къ ея ученой дѣятельности, многочисленные ученики — незамѣнимаго руководителя, всегда готоваго на помощь совѣтомъ и дѣломъ всякому, посвящающему себя изслѣдованіямъ въ области вопросовъ православнаго церковнаго права. — Да будетъ же вѣчная благодарная память и блаженный покой со святыми неустанному труженику, незабвенному наставнику, воистину благородному *человѣку*.

Учено-литературная дѣятельность Ал. С. Павлова за сорокалѣтній періодъ его профессорства была, какъ видно изъ вышесказаннаго, весьма обширна и плодотворна. Представляемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ (не ручаясь, впрочемъ, за совершенную полноту) списокъ его ученыхъ трудовъ — изданій, изслѣдованій и статей:

Происхожденіе раскольническаго ученія объ антихристѣ (Правосл. Собес. 1858 г., т. II, стр. 138 и 265).

„Пѣсни объ Аллилуевой женѣ“ и нѣсколько другихъ раскольническихъ духовныхъ стиховъ, изданныхъ въ „Сборникѣ русскихъ духовныхъ стиховъ“, *В. Варенцова*, СПб. 1860 г.

Страстная недѣля (Дух. Бесѣда, 1860, № 14, стр. 409—428).

Древніе христіанскіе праздники въ честь мучениковъ (Странникъ, 1860, т. III, отд. II, стр. 1—23).

Древнія русскія пасхалии на осьмью тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра (Правосл. Собес., 1860, т. III, стр. 331—356).

Церковно-судебныя опредѣленія Кипріяна, м-та Новгородскаго (тамъ же, 1861 г., т. III, стр. 335—348).

Праздникъ Пятидесятницы (Дух. Бесѣда, 1861 г., № 23, стр. 121—131).

Какъ долженъ быть каноническій судъ о причетникахъ двоеженцахъ (Руков. для сельск. паст., 1862 г., т. III, стр. 534—538).

Плачь городецкихъ раскольниковъ при постройкѣ едино вѣрческой церкви (изд. въ Лѣтоп. русск. литер. и древн. *Н. Тихонравова*, 1863 г., т. V, отд. II, стр. 149—152).

Духовные стихи раскольниковъ (тамъ же, отд. III, стр. 80—84).

Повѣсть о скверномъ бѣсѣ (тамъ же, стр. 89—90).

Путешествіе инока Михаила во св. мѣста (тамъ же, стр. 103—104).

Земское (народное и общественное) направленіе русской духовной письменности въ XVI в. (Правосл. Собес., 1863, т. I, стр. 292—316; т. II, стр. 364—376).

Посланіе старца Елеазарова монастыря къ в. кн. Василю Иоанновичу (тамъ же, т. I, стр. 337—348).

Посланіе Геннадія Новгородскаго къ Московскому собору, 1490 г. (тамъ же, т. I, стр. 476—481).

Три доселѣ неизданныхъ посланія князя Андрея Курбскаго (тамъ же, т. II, стр. 156—162, 343—348, 451—462, 550—571).

Полемическія сочиненія инока-князя Вассіана Патрикѣва (тамъ же, т. III, стр. 95—112, 180—210).

Апокрифическое слово о судіяхъ и властителяхъ (тамъ же, 1864 г., т. I, стр. 365—374).

О кормчей инока-князя Вассіана Патрикѣва (Ученыя Записки Каз. унив., 1864 г., т. I, стр. 489—498).

Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву (тамъ же, 1865 г., стр. 89—104).

Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права,—актовая рѣчь въ университетѣ (тамъ же, 1866 г., стр. 481—526).

Два посланія в. кн. Михайлу Ярославичу тверскому Константинопольск. п-ха Нифонта и русскаго инока Акиндина о поставленіи на мздѣ (въ Правосл. Соб. 1867 г., т. II, стр. 236—253).

Первоначальный славяно-русскій номоканонъ (Учен. Зап. Каз. унив. 1869 г., прилож., стр. 1—100).

Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, ч. 1 (единственная). Одесса, 1871 г. (то же въ Зап. Новор. унив., т. V, стр. 1—167).

Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, и съ

примѣчаніями. Одесса, 1872 (то же въ Зап. Новорос. унив. 1873 г., т. VIII, стр. VIII+240).

Еще наказный списокъ по Стоглаву (тамъ же, т. IX, стр. 1—37).

Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ м-та Іоанна II (Зап. Императ. Акад. Наукъ, 1873 г., т. XXII, прилож. № 5).

Замѣчательнѣйшія греческія рукописи каноническаго со- держанія въ Московской Синодальной (бывшей Патріаршей) библиотекѣ (Зап. Новорос. унив., т. XIII, стр. 144—175).

Замѣчанія на программу изданія въ русскомъ переводѣ церковныхъ правилъ съ толкованіемъ (Зап. Новор. унив., т. XVI, прилож. стр. 1—17).

Новый переводъ толкованій на церковныя правила (Правосл. Обзор. 1876 г., т. I, стр. 730—746).

Порфирій Леонтьевичъ Карасевичъ. Некрологъ. (Моск. Вѣдом. 1878 г., № 65).

Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко русской полемики противъ латинянъ. СІБ. 1878 стр. IV+210 (то же въ XIX Отчетъ о присужденіи наградъ гр. Уварова).

Критич. статья о книгѣ Н. А. Заозерскаго: „Церковный судъ“ (Критическое Обзор. 1879 г., № 4, стр. 1—10).

Теорія восточнаго папизма въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго права (Правосл. Обзор. 1879 г., т. III, стр. 476—499 и 734—765).

Памятники древне-русскаго каноническаго права ч. 1 (Русск. Истор. Б—ка, т. VI). СІБ. 1880.

Есть ли твердое каноническое основаніе для содержащагося въ 253-й статьѣ устава Духовныхъ Консисторій правила объ осужденіи на всегдашнее безбрачіе лица, бракъ котораго расторгнуть по нарушенію имъ супружеской вѣрности? (Напечат. въ изданной по распоряженію г. Оберъ-прокурора Св. Синод. книгѣ: Мнѣнія и отзывы по вопросу о правѣ лицъ, бракъ которыхъ расторгнуть по причинѣ нарушенія ими супружеской вѣрности, на вступленіе въ другой бракъ“. Изд. 2-е, СІБ. 1893, стр. 87—120).

О сочиненіяхъ, приписываемыхъ русскому м-ту Георгію, — открытое письмо Е. Е. Голубинскому (Прав. Обзор. 1881, т. I, стр. 344—353).

Вопросъ о ереси жидовствующихъ на VI археологиче-

скомъ съѣздѣ, — отвѣтъ Иловайскому (Соврем. Извѣстія, 1884 г. № 266, стр. 2—3).

„Книги законныя“, содержащія въ себѣ, въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовныя, брачныя и судебныя. СПб. 1885 (то же въ Сборн. отдѣленія русск. языка и словесности Императ. Акад. Наукъ, т. XXXVIII, № 3).

50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практической источникъ русскаго брачнаго права. М. 1887 (то же, въ 5 вып. Учен. Зап. Моск. унив., отдѣлъ юридич. Ср. Христ. Чтен. 1882 г., т. I, стр. 367—404; 1883 г., т. I стр. 358—406; 1884 г., т. I, стр. 370—419 и т. II, стр. 385—416; 1885 г., т. II стр. 612—652; 1886 г., т. I стр. 111—132).

Могутъ ли незаконнорожденные быть поставляемы на священнослужительскія степени? (Церк. Вѣдом., изд. при Св. Синодѣ, 1889, № 9 стр. 226—229).

Неизданный памятникъ церковнаго права XII в. (Ж. М. Н. Пр. 1890, окт., стр. 275—300).

По поводу нѣкоторыхъ недоумѣній въ наукѣ православнаго церковнаго права (Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1891, т. I, стр. 640—677).

Дополнительная историческая справка по вопросу о существованіи инквизиціи на Востокѣ (Моск. Вѣд. 1891 г. № 341, стр. 3).

Quousque tandem? Отвѣтъ Вл. С. Соловьеву (тамъ же, 1892 г., № 8, стр. 2).

Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права (Чт. въ Общ. люб. дух. просв. 1891, т. II, стр. 693—741; 1892, т. I, стр. 192—249, 425—438, 527—572).

Продолжающіяся недоумѣнія по вопросу о воспріемничествѣ и духовномъ родствѣ, какъ препятствія къ браку (тамъ же, 1893 г., т. I, стр. 354—408 и 483—519).

Библиографическая замѣтка объ изданіи А. Дмитріевскаго: Евхологіонъ IV вѣка Серапіона, еп. Тмуитскаго. К. 1894. (Визант. Временникъ, 1894 г., т. I, вып. 1, стр. 207—213).

Русскія поминки по Цахаріэ-фонъ-Лингенталь (тамъ же, вып. 2, стр. 464—468).

Кому принадлежатъ каноническіе отвѣты, авторомъ которыхъ считался Іоаннъ, еп. кятрскій? (тамъ же, вып. 3—4, стр. 493—502).

О началѣ Галицкой и Литовской митрополіи (Русск. Обзор. 1894 г., май, стр. 214—251).

По поводу полемики противъ сенатскаго толкованія о давности въ примѣненіи къ церковнымъ землямъ (тамъ же, декабрь, стр. 602—625).

О каталогѣ греческихъ рукописей Іерусалимской патриархіи (Древности, труды Императ. Моск. Археолог. Общ. 1894 г., т. XV, вып. 1 стр. 69—79).

Неизданные памятники византійск. права:

1) Синодальное постановленіе п. Сисинія о невѣнчаніи второбрачныхъ (Визант. Врем. 1895 г., 7, 11. вып. 1—2, стр. 152—159).

2) Каноническіе отвѣты Никиты, м-та Ираклійскаго (XI—XII в.) въ ихъ первоначальномъ видѣ и въ позднѣйшей переработкѣ Матвѣя Властаря (тамъ же, стр. 160—176).

3) Каноническіе отвѣты Никиты, м-та Солунскаго (тамъ же, т. II, вып. 3, стр. 278—387).

4) Синодальный актъ конст. п-ха Михаила Анхіала 1171 г. о приводѣ архіереевъ къ присягѣ на вѣрность императору Михаилу Комнину и его новорожденному сыну Алексѣю, съ формою самой присяги (тамъ же, стр. 388—393).

5) Синодальное постановленіе конст. п-ха Харитона (1177—1178 г.) о третьемъ бракѣ, редактированное Феодоромъ Вальсамономъ (тамъ же, вып. 4, стр. 503—511).

6) Подложная дарственная грамота Константина Великаго папѣ Сильвестру въ полномъ греческомъ и славянскомъ переводѣ (тамъ же, 1896 г., т. III, вып. 1, стр. 18—82).

Къ вопросу о хронологическомъ отношеніи между Аристиномъ и Зонарою, какъ писателями толкованій на церковныя правила (Ж. М. Н. Пр. 1896, янв., стр. 172—199).

Послѣднимъ ученымъ трудомъ Ал. Ст—ча было „новое отъ начала до конца переработанное“ изданіе его „Номоканона при Б. Требникѣ“ (М. 1897; то же въ Учен. Зап. Моск. унив., вып. 14. О научныхъ качествахъ этого изданія и отличіяхъ его отъ перваго изданія той же книги см.

замѣтки проф. *Н. А. Заозерскаго*—въ март. книжкѣ „Богосл. Вѣстн.“ за текущій годъ, стр. 444—456 и *наши* — въ Церк. Вѣдом., издав. при Св. Синодѣ за этотъ же годъ, № 16, стр. 626—632 и въ Тамб. Епарх. Вѣдом. № 18, стр. 489—492). Покончивши съ этой работой, Ал. Ст. предполагалъ приступить къ труду, который долженъ былъ увѣнчать собою его многолѣтнюю профессорскую и ученую дѣятельность,—къ изданію своего „Курса церковнаго права“. Смерть не дала осуществиться этому намѣренію; но не хочется думать и вѣрить, что этому курсу не будетъ суждено появиться и въ посмертномъ изданіи, редактированье котораго могъ бы взять на себя кто-нибудь изъ ученыхъ друзей Ал. Ст.—ча или его учениковъ. Быть можетъ, предпріятіе это не окажется невыполнимымъ; а хорошо выполненное, оно было бы драгоцѣннымъ вкладомъ въ науку и лучшею данью памяти почившаго.

И. Громогласовъ.
